

Политика КНР в области нераспространения ядерного оружия: доктрина, теория и практика

© 2009

С. Понамарев

Автор статьи рассматривает официальные доктринальные установки КНР в отношении проблемы распространения ядерного оружия. Предпринимается попытка проанализировать понимание современным Китаем сути этого вопроса в контексте обеспечения национальных геостратегических интересов. Описываются внешнеполитические установки КНР в отношении роли и места ядерного нераспространения и ядерного сдерживания в системе международной безопасности. Для рассмотрения вопроса практического применения доктринальных установок Пекина анализируются политические шаги Китая в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова.

Ключевые слова: распространение ядерного оружия, внешнеполитическая доктрина, Центральный военный совет КНР, МАГАТЭ, Комитет Цангера, ядерный терроризм, баллистические ракеты

Официальная политика КНР по проблеме распространения ядерного оружия (ЯО) является неотъемлемой частью общей линии Китая в сфере военной безопасности. Последняя в свою очередь носит доктринальный характер и направлена на обеспечение условий реализации национальной стратегии развития, основная цель которой заключается в достижении к середине XXI в. статуса великой державы, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и равной по политическому влиянию, экономической и военной мощи другим великим державам. Представляет интерес китайская трактовка понятия "великая держава". Наиболее четко она изложена в носящей полуофициальный характер монографии генерал-майора НОАК Ли Эрбина "Выбор Китаем внешнеполитической стратегии в начале XXI в.". Определяя основные признаки "великой державы", автор приходит к выводу о том, что "понятие мировая держава подразумевает наличие у государства стратегических, политических и экономических интересов в масштабах всего мира. Также необходимо признание другими странами права участия этого государства в решении региональных и мировых проблем. Кроме того, у государства должны быть общие интересы с другими крупными мировыми державами и единая система взаимодействия на международном уровне"¹.

В соответствии с этой основной идеологической установкой формируются и конкретные стратегические цели и задачи, стоящие перед КНР в настоящее время. Они были официально озвучены на XVI съезде КПК в 2002 г.: “продолжение дела строительства и модернизации, завершение дела объединения Родины, защита мира во всем мире и стимулирование всеобщего развития”².

На современном этапе внешнеполитическая доктрина КНР находится в стадии постепенного обновления и приведения в соответствие с изложенными выше основными стратегическими задачами развития. В современной доктрине КНР сочетаются старое и новое видение китайским руководством мира и места в этом мире Китая.

Согласно новым представлениям, мир воспринимается как потенциально враждебный, хотя — в отличие от маоистского периода — и не несущий непосредственной угрозы безопасности Китая. При этом необходимо оговориться, что такой подход находит свое отражение в китайской официальной политологии, но не транслируется через доктринальные издания “Белых книг” Госсовета КНР. Впервые об отходе от концепции неизбежности новой мировой войны заявил Дэн Сяопин в 1986 г.: “Раньше мы считали, что мировая война неизбежна, сейчас наша точка зрения изменилась; судя по тенденции в развитии международных отношений, мир можно отстоять, но, разумеется, для этого надо проделать определенную работу”³. В итоге прежний стратегический принцип “постоянной готовности к широкомасштабной войне по отражению нападения” был изменен на принцип “военного строительства в мирное время”. Согласно оценке Дэн Сяопина на рубеже XX и XXI вв., в связи с отсутствием неизбежности возникновения новой мировой войны Китай впервые в новейшей истории получил возможность сосредоточить усилия на модернизации экономики и одновременно по мере ее развития укреплять национальную оборону.

Новые представления китайского руководства о мире стали активно формироваться после того, как в 1999 г. КПК приступила к разработке концепции участия страны в экономической и политической глобализации. Экономической стратегии, направленной на превращение Китая в страну “глобальной экономики”, соответствует и его новый внешнеполитический курс.

Главным идеологическим императивом внешнеполитической доктрины КНР стало “зигзагообразное развитие мира в сторону многополярности”⁴. Согласно китайским оценкам, современная международная обстановка в сфере военной безопасности характеризуется развитием сложных и противоречивых тенденций, среди которых можно выделить движение к многополярному миру и экономическую глобализацию при сохранении “несправедливого и неразумного старого международного политического и экономического порядка”⁵.

Подобная точка зрения получила развитие в китайской концепции “трех неизменных и трех новых изменений” (*саньгэ бу бянъ, саньгэ синьда бянъхуа*)⁶. В качестве “трех неизменных тенденций” китайские аналитики выделяют: сохранение идеи “мира и развития” как важнейшей направляющей в международных отношениях; продолжение движения к многополярному миру и нарастание темпов экономической глобализации; сохранение тенденции к ослаблению международной напряженности. “Три новых изменения” отражают растущую озабоченность увеличением разрыва между развитыми и развивающимися странами; активным проникновением гегемонизма и методов силовой политики в международные отношения, возрастом тенденции к военному вмешательству.

Необходимо отметить, что впервые на официальном уровне термин “гегемонизм” был озвучен в октябре 1995 г. Цяо Ши, занимавшим в тот момент пост председателя ВСНП Китая: “Гегемонизм и силовая политика сохраняются в современном мире. Народы Китая...и других азиатских стран, тесно объединенные между собой и прогрессирующие в своем развитии, могут и должны сами защитить себя против гегемонизма и силовой политики”⁷.

В связи с этим Китай в своих официальных программных документах декларирует задачу борьбы с гегемонизмом, в частности, в “Белой книге” по национальной обороне КНР, изданной в 2002 г., указывается, что “Китай будет неуклонно и настойчиво добиваться нового видения безопасности, выступая против гегемонизма, силовой политики и терроризма во всех их формах”⁸.

Очевидно, что понятие гегемония относится к действиям США на международной арене. Как отмечает в упоминавшейся выше монографии Ли Эрбин: “направление использования США своего лидирующего положения на мировой арене, завоеванного ими после “холодной войны”, а также реакция на это КНР являются основными факторами, определяющими развитие китайско-американских отношений в начале XXI в.”. При этом он же утверждает, что “американское стремление к однополярности в стратегии и политике во многих сферах встречает трудности. В обозримом будущем тенденция к многополярности станет более явной. Как представляется, к 2020 году новый мировой порядок на основе многополярности в основном сформируется”⁹.

Таким образом, в доктринальных подходах Китая США рассматриваются как враждебная сила, превосходящая его на сегодняшний день в военном отношении. По словам бывшего председателя Центрального военного совета (ЦВС) КНР Цзян Цзэминя “ныне и в ближайшей перспективе невозможны серьезные изменения в ситуации, когда “Запад остается сильнее, а мы слабее”; попытки и политические заговоры враждебных нам сил на мировой арене, направленные на то, чтобы “вестернизировать” нас и “разделить” нас, также не могут прекратиться, и на протяжении длительного времени будут предприниматься попытки проникновения, просачивания в наши ряды этой разлагающей идеологии”¹⁰.

Пекин отдает себе отчет в том, что США направляют свои усилия на сохранение своего статуса единственной сверхдержавы современного мира, который может быть ими утерян в процессе общего изменения международной обстановки в сфере безопасности, характерной чертой которой становится постепенная утрата их лидирующих позиций в мировой экономике и связанных с этим привилегий. Усиление КНР становится вызовом для США, а значит, Вашингтон будет последовательно сдерживать рост экономического, политического и военного влияния Китая всеми возможными средствами. Именно в этом контексте Пекин справедливо расценивает наличие американского военного присутствия в АТР как проявление долговременной стратегии, призванной обеспечить доминирующее геостратегическое положение США посредством сдерживания роста совокупной мощи Китая. Как часть этой стратегии Китай рассматривает укрепление американо-японского альянса, решение США о базировании тяжелых бомбардировщиков, крылатых ракет и атомных подводных лодок на острове Гуам, а также развертывание американской системы противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) с возможным включением в зону ее действия Тайваня¹¹.

Китайские лидеры сознают, что в обозримом будущем Китай будет не в состоянии конкурировать с США в сфере военной мощи, и стремятся при осуще-

ствлении программы модернизации оборонного потенциала страны сосредоточить усилия на отдельных приоритетных направлениях, которые могут стать эффективными средствами сдерживания военного потенциала США в условиях так называемой асимметричной войны. Политико-дипломатическая парадигма действий КНР в области военной безопасности также направлена в первую очередь на сохранение возможности свободного маневра и противодействие попыткам США контролировать процесс усиления политического, экономического и военного влияния Китая на международной арене. Ядерная политика Китая как составная часть национальной оборонной политики формируется в соответствии с этой задачей.

Военная доктрина Китая выражена в стратегии “активной обороны”, она строится на принципе, выраженном в “Белой книге” по национальной обороне Китая: “оборона, самооборона и ответный удар по противнику”¹².

Официально Китай взял на себя обязательства “неприменения первым ядерного оружия”. В “Белой книге” по национальной обороне декларируется: “Китай не участвовал, не участвует и не будет участвовать в гонке ядерных вооружений и не дислоцирует за рубежом ядерные установки. Китай имеет скромную систему ядерного сдерживания, в задачу которой входит отпор возможному ядерному нападению со стороны другой страны”¹³. Теоретически такой подход не ведет к достижению ядерного паритета с США и Россией, предполагая строительство ограниченных по боевому составу ядерных сил сдерживания, способных созданием угрозы нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику заставить последнего отказаться от применения ядерного оружия.

В то же время реальная практическая применимость подобного китайского подхода к сдерживанию вызывает серьезные сомнения. Мы считаем справедливым следующий вывод, к которому приходят авторы коллективной монографии “Ядерное оружие после “холодной войны”. Существующие китайские стратегические ядерные силы (СЯС) не могут быть приведены в состояние готовности к применению без дополнительных и, видимо, заметных для Запада и России мероприятий. В силу этого возможность нанесения ими внезапного удара является проблематичной, и китайская концепция неприменения ЯО первыми может быть обусловлена техническими причинами. К тому же КНР не имеет потенциала даже частично разоружающего удара, обычно ассоциируемого с применением ЯО первыми, кроме, разве что, в отношении Индии и Пакистана. Вместе с тем, в случае кризиса, если китайские СЯС будут приведены в повышенную боеготовность, то в силу их уязвимости (как и уязвимости системы боевого управления, слабости системы предупреждения) у КНР не будет никакого другого пути их использования, кроме как в первом или упреждающем ударе. Именно поэтому их СЯС имеют крайне нестабильный характер, подталкивающий их самих к первому удару, несмотря на декларативный отказ Китая от применения ЯО первым¹⁴.

При этом необходимо отметить, что ни в “Белой книге” по национальной обороне КНР, ни в “Белой книге” по контролю над вооружениями и разоружению не упоминаются конкретные данные о состоянии СЯС КНР.

По различным оценкам, по состоянию на 2004—2006 гг. ядерные силы Китая обладали в общей сложности около 220—270 носителями и 400—450 боезарядами. Они включали баллистические ракеты наземного базирования, самолеты, баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и тактическое ЯО (в част-

ности, артиллерийские снаряды). На наш взгляд, наиболее обоснованными являются оценки Стокгольмского международного института исследования проблем мира (СИПРИ), которые приведены ниже.

Таблица 1.

Ядерные силы Китая по данным СИПРИ на 2006 г.

Тип	Число раз- вернутых единиц	Год начала развертыва- ния	Дальность действия, км	Число БЗ и их мощ- ность	Хранимый запас БЗ
<i>Самолеты</i>					
H-6	120	1965	3100	1-3 бомбы	120
Q-5	30	1970	400	1 бомба	30
<i>Ракеты наземного базирования</i>					
DF-3A	40	1971	2800	1 x 3,3 Мт	40
DF-4	12	1980	5500	1 x 3,3 Мт	12
DF-5A	20	1981	13000	1 x 4-5 Мт	20
DF-21A	48	1985	1800	1 x 300 кт	48
DF-31	Нет данных	2005-2009-?	8000	?	0
<i>Баллистические ракеты подводных лодок</i>					
Julang I	12	1986	1700	1 x 300 кт	12

Таблица 2.

Общее количество ядерных боезарядов КНР по данным СИПРИ на 2006 г.*

Стратегическое ЯО	282
Тактическое ЯО (артиллерия, ядерные фугасы, ракеты малой дальности)	Около 120
Всего	Около 400

Источник: Ежегодник СИПРИ 2005: вооружение, разоружение и международная безопасность. М., 2006. С. 654.

В настоящее время СЯС Китая несопоставимо уступают российским и американским как в количественном, так и в качественном отношении. Зона их досягаемости ограничена АТР за исключением 20 межконтинентальных баллистических ракет (МБР) DF-5A с дальностью около 13000 км и разработанных, но еще не развернутых твердотопливных подвижных групповых ракетных комплексов DF-31 с заявленной дальностью около 8000 км, способных достигать территории США, России, Индии и Пакистана. Кроме того, состоящие в настоящее время на вооружении стационарные ракеты наземного базирования оснащены моноблочной головной частью и размещаются в шахтах или тоннелях, заправляются жидким топливом и требуют длительного времени для подготовки к пуску.

* Ежегодник СИПРИ за 2007 г. оценивал общее количество ядерных боезарядов у КНР в 145 единиц, а Ежегодник за 2009 г. — в 186 единиц по состоянию на январь 2009 г. против 300 у Франции и 2702 у США.

В коллективной монографии “Ядерное оружие после холодной войны” авторы приводят неподтвержденные сведения, что для предотвращения несанкционированного пуска в отсутствие более совершенных систем ядерные боеголовки хранятся отдельно от ракет¹⁵. Тем не менее, с точки зрения обеспечения безопасности ядерного боеарьяда, эти сведения представляются вполне правдоподобными.

С другой стороны, существует и иная оценка живучести СЯС Китая. Учитывая то, что основной ядерный потенциал КНР — ракеты шахтного базирования и то, что количество шахт в 5—6 раз превышает число ракет, регулярно перемещаемых (как и их муляжи) по территории страны, то вероятность сохранения достаточно большого числа боеголовок после ядерного удара существует. В таком случае Китай, действительно, способен на ответный удар.

Китай продолжает модернизировать свои СЯС, очевидно, что одним из основных направлений является разработка и постановка на вооружение боеголовок с разделяющейся головной частью индивидуального наведения (РГЧ ИН). В качестве средства доставки для них, с учетом габаритов и забрасываемого веса, будет выбрана существующая МБР DF-5А.

Китай продолжает дорабатывать комплекс DF-31. Хотя в прессе и появлялись сообщения о начале оперативного развертывания этих ракет, в том числе и о разработке системы железнодорожного базирования¹⁶, реальная ситуация о стадии работ остается неясной.*

В области модернизации ядерных сил морского базирования Китай по-прежнему заметно отстает от основных ядерных держав. К 2008 г. КНР имеет на вооружении единственную устаревшую атомную подводную лодку с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) класса “Xia” (проект 092), вооруженную 12-ю баллистическими ракетами. В 2004—2005 гг. была спущена на воду первая ПЛАРБ проекта 094, тем не менее, она находится еще в стадии оснащения и испытаний.

Вооружение лодок проекта 094 составят 16 БРПЛ Julang-2, оснащенные РГЧ с дальностью до 8000 км. Это будет означать реальный переход СЯС КНР в разряд межконтинентальных, которые будут в состоянии наносить удары по всей территории США¹⁷.

Вполне возможно, что КНР, учитывая ошибки и огромные излишние расходы СССР и США в годы “холодной войны”, решила “перескочить” через несколько этапов массового развертывания промежуточных систем и ждет, пока будут разработаны действительно эффективные подвижные грунтовые и железнодорожные комплексы МБР с РГЧ ИН. В таком случае при имеющихся в стране производственных мощностях уже через 10—15 лет КНР сможет при тех же финансовых затратах иметь на вооружении 200—300 МБР мобильного и шахтного базирования, которые при своем оснащении РГЧ ИН будут способны доставить по всем азимутам 500—900 ядерных боезарядов¹⁸. Более того, судя по всему, такой подход к перевооружению СЯС будет вполне соответствовать политике ограниченных затрат на оборону, декларируемой в “Белых книгах” КНР по национальной обороне.

Таким образом, мы приходим к выводу, что политика Китая в области модернизации вооруженных сил, и в частности СЯС, а также в подходе к вертикальному распространению, будут определяться интересами КНР по реги-

---

* Ряд российских экспертов утверждает, что твердотопливные МБР “Дунфан 31” уже поступили на вооружение (Каменнов П.Б. КНР: военная политика на рубеже веков. М., 2008. С. 123. — *Прим. ред.*).

ональному сдерживанию. Наиболее наглядным, с нашей точки зрения, в данном контексте может быть пример с поставками США оружия Тайваню и возможного включения его в систему ПРО ТВД. Китай, несомненно, будет рассматривать такие шаги США в связке с вопросами нераспространения, поскольку основные озабоченности Пекина системами ПРО ТВД состоят в том, что они будут поощрять стремление других стран региона к наращиванию стратегического наступательного потенциала¹⁹, снижать возможность КНР к адекватному сдерживанию военного присутствия США в регионе, а также, естественно, уменьшают потенциальную способность Китая к проведению успешной военной операции против Тайваня²⁰.

В политико-дипломатической сфере Китай последовательно проводит линию по сохранению существующего режима нераспространения ЯО на основе ДНЯО*. Как констатирует “Белая книга” по национальной обороне КНР до 2002 г., “Китай неуклонно строго соблюдает вытекающие из Договора обязательства, не поддерживает, не поощряет и не занимается распространением ядерного оружия, а также не помогает другим странам развивать этот вид оружия”²¹. При этом Китай — ядерная держава, которая на официальном уровне продолжает выступать за полное запрещение ядерного оружия: “Китай последовательно выступает за всестороннее запрещение и полное уничтожение ядерного оружия”²².

В то же время КНР, стремясь позиционировать себя как “лидера развивающихся стран”, в области нераспространения зачастую выступает в поддержку неядерных держав. В частности, именно такую политику КНР проводит по вопросу многосторонних подходов к ядерному топливному циклу (ЯТЦ). Как ядерная держава по ДНЯО Китай должен быть заинтересован в ограничении распространения технологий замкнутого топливного цикла, что, по идее, соответствует его официальной нераспространенческой политике. На деле Пекин “заигрывает” со странами Движения неприсоединения (ДН) и “Группы ядерных радикалов”, заявляя о дискриминационности идеи многосторонних подходов к ЯТЦ, которые якобы противоречат духу ст. IV ДНЯО о неотъемлемом праве всех стран развивать мирную ядерную энергетику.

Можно сказать, что Китай, поддерживая ДНЯО как краеугольный камень режима нераспространения в целом, достаточно настороженно относится ко всем новым элементам и механизмам режима. Это связано с обоснованными опасениями Пекина, что участие в них может, так или иначе, привести к сдерживанию и контролю со стороны международного сообщества над развитием и модернизацией китайского ядерного потенциала, а также нанесет вред официально декларируемому имиджу Китая как “лидера развивающихся стран”.

После прекращения собственных ядерных испытаний Китай в 1996 г. присоединился к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) и объявил мораторий на проведение испытаний. Договор был внесен на рассмотрение Постоянного комитета ВСНП, однако, с оглядкой на США, а также на позиции стран ДН, ратификация ДВЗЯИ Китаем постоянно затягивается.

---

* В 1968 г., когда создавался ДНЯО, Пекин занял критическую позицию в отношении Договора, объявив его “заговором двух сверхдержав”, направленным на сохранение ядерной монополии США и СССР. КНР указывала, что запрет на разработку ядерного оружия будет иметь настоящую силу лишь после ликвидации ядерного потенциала сверхдержав. Франция также обещала следовать положениям ДНЯО, но без подписания документа. В итоге Китай и Франция присоединились к Договору лишь в 1992 г.

Достаточно долгое время Китай настороженно относился и к международным режимам экспортного контроля в сфере нераспространения. Пекин рассматривал Группу ядерных поставщиков (ГЯП), Комитет Цангера и Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ) как “дискриминационные закрытые клубы”²³. Но за последние несколько лет Китай достиг значительного прогресса в усилении системы экспортного контроля. Эти подвижки объясняются давлением со стороны других ядерных стран, а также осознанием руководством КНР того, что, игнорируя такие международные механизмы, Китай теряет возможность влиять на принятие многосторонних решений по развитию режима в целом, что в свою очередь значительно ослабляет позиции Китая как ядерной державы по ДНЯО, выступающей за укрепление и универсализацию режима нераспространения ЯО.

В итоге в 1997 г. Китай вступил в Комитет Цангера и постепенно улучшил соответствующее внутреннее законодательство. В сентябре 1997 г. и июне 1998 г. китайское правительство опубликовало “Положения о контроле над ядерным экспортом” и “Положения о контроле над экспортом ядерных изделий двойного назначения и соответствующих технологий”, которые соответствуют перечню Комитета Цангера²⁴. В положениях правительства было предусмотрено, что в Китае ядерный экспорт ведут специализированные компании, назначенные правительством. Весь ядерный экспорт лицензируется, по законодательству Китай не оказывает помощь в сооружении каких-либо ядерных объектов, не поставленных под гарантии МАГАТЭ. При этом необходимо особо отметить тот факт, что 28 марта 2002 г. Китай официально уведомил МАГАТЭ о завершении внутреннего юридического процесса вступления в силу Дополнительного протокола (ДП) о гарантиях.

22 августа 2002 г. вступили в силу “Правила КНР по контролю над экспортом ракет, ракетных материалов и технологий”. Согласно этим Правилам, китайские экспортеры должны получать лицензию на экспорт баллистических и крылатых ракет, ракетных двигателей, беспилотных летательных аппаратов, а также связанных с ними технологий, включенных в контрольный список, который был также опубликован²⁵. При этом импортер обязан гарантировать получение сертификата конечного пользователя, реэкспорт только с разрешения КНР, а также целевое использование продукции экспортером.

В мае 2004 г. Китай официально заявил о присоединении к ГЯП. С этого времени Китай стал требовать применения полноохватных гарантий МАГАТЭ в качестве обязательного условия сотрудничества в ядерной области.

Система экспортного контроля КНР в области нераспространения постепенно приближается к стандартам, принятым в мировой практике, вместе с тем, по мнению ряда экспертов (особенно западных), китайское правительство сохранило за собой право выдавать лицензии, основываясь на собственной оценке рисков, связанных с определенными технологиями и конечными пользователями²⁶.

В последние годы Китай все более активно начинает принимать участие в международных инициативах в области нераспространения. При этом представляется, что реальная цель такой активности — снятие с повестки дня, блокирование и “размывание” тех международных инициатив, которые могут, так или иначе, ущемить национальные интересы Китая в политической, военной или экономической сферах.

В этой связи Китай вступил в созданное США Глобальное ядерно-энергетическое партнерство (ГЯЭП), более того, стал вице-председателем

Управляющего комитета инициативы. При том, что, как уже упоминалось нами выше, официальная риторика КНР в целом негативно оценивает многосторонние подходы к ЯТЦ.

Китай стал членом Глобальной инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма (ГИБАЯТ), созданной в рамках совместного заявления Президентов Путина и Буша. Хотя позиция КНР в рамках данной инициативы достаточно пассивна, очевидно, что Пекин проводит мониторинг действий ведущих ядерных держав по противодействию возможным актам ядерного терроризма, при этом имея возможность заблокировать неприемлемые для КНР решения ГИБАЯТ (например, об усилении мер физической защиты ядерных объектов или проведении инспекций). Наряду с этим Пекин официально неоднократно заявлял о намерении содействовать деятельности МАГАТЭ, направленной на предотвращение потенциальных угроз ядерного терроризма, и в этой связи принимает участие в процессе подготовки Конвенции о физической защите ядерного материала.

Китай поддерживает заключение международного соглашения о запрещении развертывания оружия в космическом пространстве, а также предотвращении угрозы применения силы или непосредственного применения силы против космических объектов. В июле 2002 г. Китай совместно с Россией и другими странами представил на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве рабочие материалы, касающиеся концепции, общей структуры и содержания данного документа²⁷. Это не помешало Пекину провести в 2007 г. испытания ракеты по уничтожению космических объектов, что было расценено мировым сообществом как очередная демонстрация успехов модернизации стратегических сил сдерживания КНР.

Наиболее показательным примером практической политики Китая в области нераспространения ядерного оружия является политика, проводимая КНР в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова. Китайский политический курс в этом вопросе определяется в первую очередь пониманием рисков и угроз, которые могут возникнуть в случае неконтролируемого развития ситуации. Как отмечается в коллективной монографии “Китай: угрозы, риски, вызовы развитию” под редакцией В.В. Михеева, “корейский вызов” для Китая состоит, во-первых, в том, насколько Китаю удастся предотвратить негативный, “угрозы” вариант развития ситуации на Корейском полуострове (то есть обострение кризиса вплоть до начала, хотя и маловероятного, военных действий), а во-вторых, в том, как он сумеет воспользоваться корейским кризисом для усиления своих региональных и глобальных позиций²⁸.

КНР является единственным членом “шестерки”, который обладает реальными рычагами влияния на Пхеньян, что Пекин, безусловно, учитывает при формировании своей позиции и готов использовать эту ситуацию в своих интересах. Шестисторонние переговоры, по признанию представителей практически всех стран-участниц, уже продемонстрировали вес и влияние китайской дипломатии в СВА²⁹, что способствует укреплению престижа КНР в регионе. При этом Китай отказался от прямой поддержки КНДР и посредством механизмов давления и предоставления гуманитарной помощи вновь и вновь усаживает Пхеньян за стол переговоров. В то же время очевидно, что Пекин не готов брать на себя все бремя политической и экономической ответственности за поведение Ким Чен Ира.

Официальная позиция КНР по урегулированию кризиса состоит из шести пунктов:

1. Исключительно мирное урегулирование проблемы путем взаимных консультаций.

2. Денуклеаризация всего Корейского полуострова.

3. Официальные гарантии ненападения со стороны США и нормализация двусторонних отношений Вашингтона и Пхеньяна.

4. Возвращение КНДР в ДНЯО и под гарантии МАГАТЭ.

5. Право КНДР на “мирный атом” по ст. IV ДНЯО.

6. ”Декларация в ответ на декларацию, действие в ответ на действие”³⁰.

В реально проводимой Пекином политике можно увидеть ряд противоречий.

С одной стороны, Китай в среднесрочной перспективе стратегически заинтересован в снижении уровня военного присутствия и геополитического влияния США в СВА. Мирное урегулирование и полное снятие с повестки дня ядерной проблемы Корейского полуострова является обязательным условием вытеснения США с региональной политической арены³¹.

Кроме того, главной опасностью для КНР в случае обострения кризиса могла бы стать эскалация распространения ЯО в регионе, так называемый “эффект ядерного домино”, когда к вопросу о создании собственного ядерного щита вплотную подошли бы и Япония, и Тайвань, и Южная Корея. Такое развитие событий никоим образом не отвечало бы долгосрочным целям Китая по выходу на позиции единоличного регионального лидера. Более того, подобный сценарий может привести к началу “холодной войны” и гонки вооружений в СВА и АТР, а в худшем случае и к началу широкомасштабного военного конфликта (поводом может стать, например, реанимация ядерной программы Тайваня)³².

С другой стороны, активное участие КНР в деятельности шестистороннего механизма по урегулированию проблемы дает Пекину возможность политического торга с Вашингтоном. В частности, китайских усилий оказывается достаточно, чтобы получать от Вашингтона дипломатические подтверждения политики “одного Китая” по Тайваньскому вопросу³³. В этой связи продолжение международного диалога по вопросу денуклеаризации Корейского полуострова при самом активном участии Пекина дает возможность китайской дипломатии получать вполне ощутимые тактические дивиденды.

Политика Китая в отношении ядерной проблемы Кореи, по сути, определяется тремя основными взаимосвязанными факторами. Во-первых, взаимоотношениями с США. Во-вторых, стремлением закрепить за собой роль основного регионального центра силы. В-третьих, двусторонними отношениями с КНДР.

Особый интерес представляет анализ общественного мнения Китая. И в форумах сети Интернет, и в аналитических статьях китайских политологов определенно отсутствует единство взглядов на суть ядерной проблемы Корейского полуострова. На наш взгляд, это является симптомом того, что и в руководящих кругах КНР нет принятого единого подхода к указанной проблеме. Очевидно, что в современном Китае существует много сторонников абсолютной поддержки КНДР и противодействия США, но немало и тех, кто выступает за полное сохранение существующего режима нераспространения и осуждает Пхеньян³⁴.

Руководство Пекина вынуждено выстраивать очень гибкую политику в своих отношениях с Пхеньяном. С одной стороны, КНР связана военно-стратегическими обязательствами с КНДР по Соглашению о перемирии 1953 г. и Соглашению о дружбе, партнерстве и взаимопомощи 1961 г., северокорейский режим является одним из немногих идеологических союзников КПК. В связи с этим Пе-

кин, так или иначе, долгое время был вынужден поддерживать северокорейский режим на международной арене.

Кроме того, при формировании политики в отношении ядерной проблемы Корейского полуострова руководство КНР учитывало позицию развивающихся стран, которые во многом поддерживают действия КНДР, особенно в свете того, что юридически, с точки зрения международного права, КНДР выполнила все необходимые процедуры по выходу из критикуемого ДН за дискриминационный характер ДНЯО, а значит, и режима нераспространения в целом.

С другой стороны, представляется, что сегодняшнее руководство Китая, настроенное на усиление своего геополитического влияния прежде всего финансово-экономическими и дипломатическими методами, стремящееся всячески продемонстрировать свою твердую приверженность существующим международным механизмам и многосторонним форматам переговоров, не видит для Китая каких-либо плюсов в политическом и военном союзе с Северной Кореей. Этот союз влечет за собой слишком много обязательств, компрометирующих глобализирующийся Пекин в глазах мирового сообщества и лишаящих Китай “свободы рук” во взаимоотношениях с партнерами по “шестерке”³⁵.

В настоящее время не представляется возможным говорить о скором окончательном разрешении ядерной проблемы Корейского полуострова. Однако можно предположить, что такая ситуация не является критичной для Пекина, который активно использует механизм “шестерки” в качестве дипломатической площадки для решения конкретных тактических задач в процессе взаимодействия с другими глобальными и региональными игроками.

Подводя итог, можно сказать, что проводимая Китаем политика в области ядерного нераспространения связана с комплексом долгосрочных стратегических задач — возможностью противодействия гегемонизму США, борьбой за конструирование многополярного мира через поддержку и реализацию интересов большинства развивающихся стран, а также усилением собственного геополитического веса на международной арене.

1. *Ли Эрбин*. 21 шицзи цянънчи Чжунго дуйвай чжаньлюэ сюаньцзэ [Выбор Китаем внешнеполитической стратегии в начале 21 века]. Пекин, 2004. 499 с.
2. Чжунго гофан [“Белая книга” по обороне КНР]. Пекин, 2002.
3. Цит. по: *Каменнов П.Б.* КНР: проблемы обороны // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 6.
4. Чжунго гофан [“Белая книга” по обороне КНР]. Пекин, 2006.
5. Чжунго гофан — 2008 [“Белая книга” по обороне КНР — 2008]. Пекин, 2002.
6. *Bates G.* Contrasting Visions: United States, China and World Order. Remarks Presented before the US — China Security Review Commission Session on US // China Relationship and Strategic Perceptions. 2001. 3 August.
7. Цит. по: *Алиев А.* Безопасность в Восточной Азии: подходы США, КНР и России // Проблемы безопасности в Азии. М.: 2001.
8. Чжунго гофан [“Белая книга” по обороне КНР]. Пекин, 2002.
9. *Ли Эрбин*. Указ. соч.
10. Цит. по: Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005. С. 133.
11. Там же. С. 143.
12. Чжунго гофан [“Белая книга” по обороне КНР]. Пекин, 2002.
13. Чжунго гофан — 2008 [“Белая книга” по обороне КНР — 2008]. Пекин, 2006.
14. Ядерное оружие после “холодной войны”. 2006. С. 89.
15. Там же. С. 90.
16. Ежегодник СИПРИ 2005: вооружение, разоружение и международная безопасность. М., 2006. С. 655.

17. Там же.
18. Ядерное оружие после “холодной войны”. М., 2006. С. 92.
19. *Bates G.* Op. cit.
20. Чжунго гофан [“Белая книга” по обороне КНР]. Пекин, 2002.
21. Там же.
22. Там же.
23. Ядерное оружие после “холодной войны”. М., 2006. С. 96.
24. Чжунго гофан [“Белая книга” по обороне КНР]. Пекин, 2002.
25. Ядерное оружие после “холодной войны”. М., 2006. С. 96.
26. Там же. С. 97.
27. Там же. С. 95.
28. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005. С. 378.
29. Мэйдайбяотуань туаньчжан: Вомэнь чжэнцзай нули чжэнцзюй дачэн исе гунши [Глава американской делегации: Мы в процессе тяжелейших переговоров добились консенсуса] // Агентство Синьхуа. 2005. 18 сент. — http://news.xinhuanet.com/world/2005-09/18/content_3505809.htm.
30. Чжуаньцзя чжаньван Чао хэ люфан хуэйтань — Юйхо тупо жэнжань цзяньнань [Прогноз экспертов о шестисторонних переговорах по ядерной программе КНДР — добиться прорыва все также трудно] // Цзефан цзюньбао. 2005. 13 сент. — http://www.chinamil.com.cn/site1/xwpdxw/2005-09/13/content_293784.htm.
31. *Anne Wu.* What China Whispers to North Korea // *The Washington Quarterly.* 2005. Spring. P. 35—48.
32. См., напр.: *Victor D Cha, David C. Kang.* North Korea: A Debate on Engagement Strategies. N.Y., 2003.
33. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. М., 2005. С. 378.
34. См., напр.: Форум китайского отделения ВВС. — http://www.newsvote.bbc.co.uk/chinese/simp/hi/newsid_4260000/newsid_4265100/4265152.stm.
35. *Sukhee Han.* Alliance Fatigue amid Asymmetrical Interdependence: Sino-North Korean Relations in Flux // *The Korean Journal of Defense Analysis.* 2004. Vol. 16, № 1. P. 155—179.